

Лев Толстой и его исследователи

Е. КУПРЕЯНОВА

НАУЧНАЯ разработка наследия Л. Толстого — одна из сложных и ответственных задач советского литературоведения. Огромный размах творческой деятельности Толстого, его выдающееся место в развитии художественного сознания человечества, его кричащие противоречия — все это обязывает исследователей к серьезным историко-литературным изысканиям и глубоким теоретическим обобщениям.

Исходя из ленинской оценки Толстого, советские ученые, особенно за последние годы, разработали и по-новому осветили целый ряд очень важных вопросов жизни и творчества великого писателя. В работах об отдельных произведениях Толстого убедительно вскрыты критические и демократические тенденции его творчества. С необходимой ясностью и принципиальностью поставлен вопрос о противоречиях Толстого, о его «разуме» и «предрассудках». Изучаются связь творчества Толстого с гуманистическими и реалистическими традициями его великих предшественников, сложность взаимоотношений с революционными демократами и его влияние на прогрессивных зарубежных писателей. Некоторые ценные соображения высказаны о своеобразии творческого метода Толстого.

Однако все эти изыскания еще далеко не обобщены, не слиты в единую и стройную научную концепцию жизненного и творческого пути писателя, рассеяны по отдельным, большей частью журнальным статьям. Насущная потребность в капитальных монографических работах о Толстом и его отдельных произведениях все еще не удовлетворена. Но некоторые шаги в этом направлении уже сделаны.

За последнее время вышло несколько новых книг о Толстом, близких по своему характеру и объему к типу монографических исследований. Таков капитальный труд Н. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год», посмертная работа С. Бычкова «Л. Н. Толстой. Очерк творчества», книга С. Леушевой «Война и мир» Л. Н. Толстого и сборник статей «Творчество Л. Н. Толстого», подготовленный к печати Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и Государственным музеем Л. Н. Толстого. Все эти книги носят до некоторой степени итоговый характер и тем самым позволяют судить об общем уровне, на котором стоит у нас сейчас изучение Толстого, — о том, что сделано и что надлежит еще сделать в этой области.

К числу достоинств этих книг относятся широта собранного в них фактического материала, здоровое авторское стремление вывить идейную глубину и своеобразие творчества великого писателя со всеми присущими ему противоречиями. Важно и то, что все эти работы — особенно такие, как С. Бычкова и С. Леушевой, — помогают заполнить зияющий пробел в нашей научной и учебной литературе о Толстом. Особый интерес представляет книга Н. Гусева, исчерпывающий и самый документированный свод биографических материалов, содержащий много новых и любопытных сведений о ранних годах жизни, о семейном и общественном окружении писателя.

Но исследователям предстоит глубоко разработать самые сложные проблемы творчества Толстого — проблемы его идейно-творческой эволюции и своеобразия его художественного метода.

Первый крупный недостаток, который бросается в глаза в работах, — это отсутствие четкой исторической перспективы. Творчество Толстого рассматривается часто «изнутри», изолированно от ведущих тенденций и общих закономерностей современного ему литературного развития и где-то в стороне от его генеральных путей.

Проблемы закономерности и периодизации литературного процесса, как известно, еще не решены нашей наукой. Но можно ли их решить, минуя Толстого, и не входит ли в ближайшую задачу его исследователей ставить такого рода проблемы на благодарнейшем материале его творческой деятельности? Изолированное, эмпирическое изучение Толстого сужает горизонт его исследователей и часто толкает их на путь произвольного, антиисторического толковательства, приводит к вульгарно-социологическим «концепциям».

О том, насколько произвольны бывают выводы исследователей, не владеющих критерием конкретно-исторической оценки, свидетельствует статья И. Успенского об «Анне Карениной», напечатанная в сборнике «Творчество Л. Н. Толстого». Исключительно сложная и противоречивая проблематика романа исчезает под пером И. Успенского, искажается и упрощается им до неузнаваемости. Исследователь видит в Анне образ «гордой и сильной», «активной», «целестремленной», «волевой» женщины, а в ее трагической любви к Вронскому — «выражение нравственного идеала, не мирящегося с ложью, грязью, жестокостью, царящими в обществе, где существует угнетение человека человеком». Так Анна Каренина из женщины, падающей жертвой не только пороков общественных отношений, но и внутренних противоречий и безысходных нравственных терзаний, какой она дана у Толстого, превращается в передовую русскую женщину в 60—70-х годов, вроде Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?». Необходимо оговориться: подобная трактовка произведений Толстого — случай в нашей науке редкий, если не сказать исключительный.

Сложное обстоит дело с тем истолкованием, которое дано С. Бычковым в его обширном «Очерке творчества» Толстого вопросу о социальных истоках и путях идейной эволюции писателя. К сожалению, автор «Очерка» не нашел нужным пересмотреть распространенное представление о

дворянско-помещичьих корнях и тенденциях творчества великого писателя-реалиста до его перехода на позиции патриархального крестьянства. Однако С. Бычков попытался научно аргументировать это положение, раскрыть на конкретном материале то, о чем другие предпочитают говорить общими, бездоказательными фразами. Попытка не увенчалась успехом. Ложная концепция не поддалась научному обоснованию и в соприкосновении с реальными фактами творческой биографии Толстого, хорошо поданными в «Очерке», обнаружила свою явную несостоятельность. Несостоятельной оказалась прежде всего общая схема идейно-творческого развития Толстого, которое рассматривается в «Очерке» как процесс, механически распадающийся на два социально разнородных, замкнутых периода.

Своеобразие первого периода определяется, по мнению исследователя, противоречиями одной только личной мысли писателя, борьбой «в его мировоззрении» (выделено мною. — Е. Н.) двух начал: аристократически-сословного и крестьянски-патриархального. Второй период открывается «победой» крестьянского начала над дворянским и «отражает» на этот раз «противоречия, свойственные самому патриархальному крестьянству». И хотя содержание книги С. Бычкова не исчерпывается этими упрощенческими, неверными формулировками, на них все-таки придется сосредоточить главное внимание.

Такая трактовка идейной эволюции Толстого еще настолько распространена среди его исследователей, что о ней стоит поговорить подробнее. Теория борьбы различных «начал» в мировоззрении Толстого не имеет решительно ничего общего с ленинским истолкованием противоречий писателя, с ленинской теорией отражения. В то же время теория эта имеет седую давность. Впервые она была выдвинута Плехановым и затем варьировалась на разные лады вульгарными социологами. Известно, что в противоположность Ленину, показавшему, что противоположности Толстого отражают исторические противоречия современной ему русской и прежде всего крестьянской жизни, Плеханов не увидел в сильных и слабых сторонах писателя сил другого, кроме противоречивости его собственного сознания, якобы раздираемого «борьбой» между «большим барином» и «великим художником», между «язычником» и «христианином» и т. п.

В основе распространенной концепции лежит методологически порочная попытка примирить ленинское истолкование наследия Толстого с ошибочной интерпретацией, данной ему Плехановым. Причем первая половина творческой деятельности Толстого объясняется по Плеханову, а вторая — по Ленину.

Опираясь абстрактными понятиями дворянского и крестьянского «начал», С. Бычков механически распределяет по ним слабые и сильные стороны мировоззрения Толстого. Это сплошь и рядом принижает облик великого писателя, приводит к явному искажению исторических перспектив его сложного развития. Достаточно сказать, что «основы» религиозного учения Толстого, в котором, по определению В. И. Ленина, слились «протест миллионов крестьян и их отчаяние», «закладывались», по мнению С. Бычкова, на почве «кризиса господствующих дворянских верхов, мечущихся в сомнениях и самоанализах, пытающихся укрыться в тихой гавани «самоусовершенствования». В замысле величайшего творения Толстого, романа «Война и мир», исследователь находит «вершину выражения сословных интересов писателя». Если верить автору, то в «Анне Карениной» Толстой «утверждал, в сущности, идеалы старой аристократии». Выходит, что если в начале творческого пути Толстого его мировоззрение носило «сословно-дворянский, либеральный» характер, то в условиях острой пореформенной ломки оно прониклось еще более реакционными, старомодными идеалами, после чего Толстой непосредственно и оказался на позициях патриархального крестьянства. Жаль, что такой серьезный исследователь, как С. Бычков, не заметил абсурдности подобного вывода, необходимо следующего из его частных, приведенных выше положений. Дело объясняется тем, что эти положения на правах общепризнанных имеют весьма широкое распространение в литературе о Толстом.

Не следует закрывать глаза на известную дворянскую ограниченность Толстого до перелома его мирозерцания и отрицать то принципиально новое, что внес этот перелом в творчество писателя. Но видеть в дворянских пережитках сознания Толстого ту социально-историческую почву, на которой возникает его великое реалистическое искусство и «его кричащие противоречия», — это значит оставаться во власти вульгарной социологии. А между тем методология ленинских работ о Толстом дает возможность понять сложную идейную эволюцию писателя как единый и непрерывный процесс, отражающий в конечном счете противоречия буржуазного развития в стране, придавленной крепостниками. Соответственно этому и перелом, произошедший к началу 80-х годов в мировоззрении Толстого, может и должен быть понят в неразрывной связи с переломом, наступившим в это время в сознании широчайших крестьянских масс.

По некоторым из последних работ о Толстом видно, что вульгарно-социологи-

ческая инерция начинает уже встречать со стороны ряда исследователей сознательный, хотя еще и не достаточно активный отпор. В статье «Реалистическое искусство Л. Толстого», открывающей сборник «Творчество Л. Н. Толстого», М. Храпченко настойчиво возражает против механического противопоставления творчества писателя — до и после перелома его мировоззрения — в качестве двух противоположных по своему социальному содержанию явлений. Ни в какой мере не стирая грани, отделяющей поздние, обличительные произведения Толстого от созданных им ранее, М. Храпченко справедливо указывает на их «внутреннюю, организующую связь», которая определяется тем, что на всех этапах творчества Толстого в нем, «хотя и в разной степени, отражались народный взгляд, народная точка зрения на явления общественной жизни». К сожалению, это справедливое утверждение носит у М. Храпченко несколько декларативный характер. Более конкретна статья Б. Бурсова «Ранний Толстой», напечатанная в том же сборнике. Исходя из первоисточника значения, которое имела для молодого Толстого проблема народа, исследователь настаивает на неразрывной связи творческой деятельности писателя у самых ее истоков «с начавшимся демократическим подъемом в стране, с ростом всей передовой русской литературы того времени». С этой плодотворной точки зрения Б. Бурсову удалось по-новому осветить ранние произведения Толстого, показать демократический характер поставленных в них вопросов.

Выдвинутые М. Храпченко и Б. Бурсовым принципиальные положения, несмотря на недостаточную четкость и полноту их формулировок, открывают пути к решению очень важных вопросов творческой биографии Толстого. Они позволяют видеть в эволюции великого писателя процесс, возникающий и протекающий отнюдь не в закоулках дворянской идеологии, а на генеральных демократических путях развития русской общественной и художественной мысли второй половины XIX века, процесс, отражающий противоречия демократического развития. В связи с этим открывается возможность понять, почему Толстой, резко разойдясь с революционными демократами, объективно во многом приближался к ним. Можно будет и конкретно-исторически решить вопрос о художественной специфике, о преемственности и новаторстве творчества Толстого.

Неисчерпаемые эстетические ценности наследия Толстого, его непревзойденное художественное мастерство почти не изучены. А ведь без этого не может быть до конца выявлена и всесторонне раскрыта и идейная проблематика его произведений.

В книге С. Леушевой о «Войне и мире», изданной Академией педагогических наук, целая глава посвящена анализу именно художественной структуры знаменитого произведения Толстого. Но автор поспешил заранее, в особой главе, изложить проблематику и идейное содержание романа, как нечто совершенно самостоятельное и независимое от его художественной ткани. Соответственно этому «художественная структура» произведения рассматривается в книге всего лишь как сумма литературных приемов, которые Толстой будто бы подбирает для выражения своих мыслей и чувств примерно так же, как выбирают перчатки по руке. В итоге анализ художественной специфики получился очень слабым.

И тут хочется упомянуть о небольшой брошюре А. Чичерина «О языке и стиле романа «Война и мир»», подготовленной Львовским государственным университетом имени Ивана Франко. На относительно ограниченном материале А. Чичерину удалось раскрыть некоторые черты стилистического своеобразия языковой ткани романа как непосредственную действительность его художественных образов.

Удачна также и статья Т. Мотылевой «Принципы изображения человека в творчестве Л. Н. Толстого» («Октябрь», 1953, кн. 9), где убедительно вскрыт демократический характер его художественного метода. К сожалению, упомянутые работы А. Чичерина и Т. Мотылевой — это одно из немногих счастливых исключений в современной литературе о Толстом.

Для того, чтобы преодолеть отставание в изучении Толстого, необходимо прежде всего поднять его теоретический уровень, не на словах, а на деле освоить и творчески применять ленинскую методологию. Необходимо значительно расширить и углубить проблематику научных исследований, обратиться от констатации фактов к их анализу, к конкретно-историческому решению важнейших и все еще спорных вопросов идейно-творческой биографии величайшего художника слова. Походя, решая, с птичьего полета эти вопросы, сказать нельзя. Им должны быть посвящены специальные проблемные работы.

Задача заключается не в том, чтобы наклеить на Толстого тот или другой социологический ярлык, а в том, чтобы найти этому гиганту русской и мировой литературы подобающее ему место в литературно-историческом процессе, осмыслить все его творчество в целом как закономерный и значительный этап в развитии русской литературы, в развитии художественного сознания всего человечества.

Эта задача может быть решена только дружными усилиями всех исследователей Толстого. Для того, чтобы устранить имеющиеся разногласия, было бы весьма желательно открыть в печати и в научной среде товарищеское обсуждение спорных вопросов. Думается, что необходимость в таком обсуждении давно назрела.